

Салахова Рузиля Рашитовна

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. АБСАЛЯМОВА "БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ")

В статье описывается ономатопозитическая лексика татарского языка и способы ее перевода на русский язык. Важность изучения перевода ономатопов обусловлена необходимостью адекватной передачи образной информации художественного произведения на переводимый язык. Результаты данного исследования дают возможность разрабатывать теорию изобразительной мотивированности языкового знака и её отражения в лексическом фонде татарского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**PROBLEMS OF FUNCTIONING OF THE MINORITY LANGUAGES
OF THE KAMCHATKA TERRITORY****Sagalakova Taisiya Nikolaevna***Khakass State University named after N. F. Katanov**taisiya-sagal@mail.ru*

The article aims to analyze the linguistic situation in the Kamchatka Territory in the context of regional linguistic legislation, demographic data and social spheres of functioning of the Itelmen and Koryak languages. The author identifies the general approaches and provisions for positive solution of the problems of functioning of the minority languages of the aboriginal small peoples of the North on the basis of the successful strategies to preserve and develop the native languages.

Key words and phrases: minority languages; language policy; aboriginal peoples of the Kamchatka Territory; Koryak language; Itelmen language.

УДК 81/8

Филологические науки

В статье описывается оноματοпоэтическая лексика татарского языка и способы ее перевода на русский язык. Важность изучения перевода оноματοпов обусловлена необходимостью адекватной передачи образной информации художественного произведения на переводимый язык. Результаты данного исследования дают возможность разрабатывать теорию изобразительной мотивированности языкового знака и её отражения в лексическом фонде татарского языка.

Ключевые слова и фразы: оноματοп; оноματοпея; звукоподражательное слово; образоподражательное слово; изобразительная лексика.

Салахова Рузиля Рашитовна, к. филол. н.*Казанский (Приволжский) федеральный университет**ruzilya5@mail.ru***ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. АБСАЛЯМОВА «БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ»)[©]**

Выдвинутая еще в прошлом столетии гипотеза о подражательной природе языка поставила оноματοпоэтическую лексику в особое положение, придала ей значимость древнейших, первичных элементов и акцентировала внимание на поисках подражательных истоков той части лексики, которая лишена подражательной образности. В настоящее время уже нет необходимости доказывать, что такие поиски бесперспективны, так как невозможно свести огромное многообразие лексического состава современных и древних языков к примитивному набору подражаний. Вместе с тем хорошо известно, что одни и те же предметы издают разные звуки, что в зависимости от разных обстоятельств меняются оттенки звучания. Только в татарском языке можно выделить порядка десяти звукоподражательных слов, передающих виды смеха: *ха-ха-ха* – подражание хохоту; *хи-хи-хи* – смех исподтишка; *кет-кет* – подражание хихиканью; *гый-гый-гый* – подражание ехидному смеху; *пырх* – неожиданный сильный смех; *иха-ха... ми-хаха* – подражание смеху и легкомысленной болтовне девушек; *шарык-шорык* – раскатистый смех; *хе-хе* – самодовольный, злорадный смех; *чырык-чырык* – прерывистый тихий смех. Ясно, что совместить предельную дифференцированность передачи оттенков естественного звучания оноματοпами с обобщенным обозначением предметов и явлений окружающей действительности обычными лексическими единицами едва ли удастся. Таким образом, подражательные слова в непосредственной, экспрессивно-изобразительной форме передают звуки, издаваемые живыми существами и различными предметами, или выражают представления о световых явлениях и о различных движениях.

Актуальность данной работы определяется необходимостью рассмотреть оноματοпоэтическую лексику татарского языка с целью выявления словообразовательных, семантических и переводческих особенностей данного разряда единиц.

Оноματοпоэтическая лексика в татарском языке представляет собой сложную систему значений, что объясняется, во-первых, многообразием звуковых и световых явлений, воспроизводимых подражательными словами, во-вторых, многозначностью этих слов, когда одно и то же подражание употребляется для обозначения различных явлений, иногда имеющих между собой лишь отдельное сходство [4, с. 169]. Например, *дәп-дәп* – подражание шуму падающих капель и сильному сердцебиению: *Куркудан йөрәгем кутты, жан ачуым*

белән кычкырып жибердем; уянып китсәм, морҗа калагын ике кулым белән кысып тотканмын, йөрәгем **дөп-дөп** суга [9, б. 56]. / От испуга сердце стало биться сильнее, я с ненавистью крикнул; а когда проснулся, увидел, что схватился за засов печи двумя руками, сердце стучит **тук-тук** [1, с. 43]. Эре-эре яңгыр тамчылары **дөп-дөп** ява башладылар [9, б. 231]. / С **шумом** стали падать крупные капли дождя [1, с. 224].

По значимости фонического компонента в лексическом значении выделяются: 1) примарно (фонетически) мотивированные ономатопы; 2) ономатопы с частичной утратой примарной мотивированности; 3) секундарно мотивированные ономатопы [8, с. 9].

К примарно мотивированным ономатопам относятся сами звуко- и образоподражания. Например, *ба-ка-ка* – подражание кваканью лягушки, *гөр* – подражание воркованию голубей, *гөрс* – подражание орудийному залпу, *кар* – подражание крику вороны. *Камышылыкка кача-кача, Мансурны үртәгән шикелле, кычкырды бака: ба-ка-ка-ка... ба-ка-ка-ка* [9, б. 129]. / *Прячась в камышах, как будто дразня Мансура, квакала лягушка: ква-ква-ква* [1, с. 118].

Вторую группу составляют слова морфологически оформленные, прежде всего существительные и глаголы (*бака* – лягушка (существительное), *гөрлә* – ворковать (о голубях), *гөрселдә* – прогреметь, прогрохотать (глагол), *каркылда* – каркать (глагол)). Слова, образованные от подражательных слов при помощи различных морфологических элементов, менее аффективны. Они либо сохраняют большую близость к образной лексике, либо оказываются на грани перехода в слова с «рассудочным» содержанием [6, с. 15]. Например, в татарском языке при помощи имяобразующих суффиксов *-ылты/-елте*, *-а/-ә*, *-га/-кә*, *-дык/-дек*, *-мак/-мәк* образуются следующие имена существительные: *гөрелте* – рокот, *карга* – ворона, *чәүкә* – галка, *бытбылдык* – перепел, *тукмак* – колотушка. *Кама дулкыннарының гөрелтесе гомергә колагыңнан китми* [9, б. 183]. / *Знаете, это изумительная картина! Глаз не оторвешь. И потом – этот шум волн* [1, с. 157].

Более продуктивными в татарском языке считаются глаголообразующие суффиксы, такие как *-ылда/-елдә*, *-да/-дә*: *хырылда* – храпеть, *мырылда* – мурлыкать, *гүелдә* – гудеть, *жәмелдә* – мерцать, *елкылда* – блестять, *чытырда* – трещать, *кетердә* – хрустеть, *мыгырда* – бормотать [7, с. 434]. Например: *Бөтен яктан сызлану, ыңгырашу, хырылдау, саташу тавышлары ишетелә* [9, б. 138]. / *Со всех сторон слышатся стоны, хрипы, бред* [1, с. 126]; *Бибисара шыгырдап торырлык итеп крахмалланган халат алып килеп Яңугага кiertте* [9, б. 282]. / *Бибисара принесла до хруста накрахмаленный халат и, помогая гостю застегивать пуговицы, повела свой разговор* [1, с. 276].

Иначе обстоит дело с аналитическими формами, состоящими из звуко- и образоподражательных слов и вспомогательных глаголов *итү*, *килү*. Сложные глаголы, образованные от однокомпонентных звуко- и образоподражательных слов, обозначают однократное издание звуков, если однокомпонентное звукоподражание само не выражает многократное издание звуков: *гәмберт итү* – грохнуться, *чылт итү* – брякнуть, *шак итү* – стукнуть, *елт итү* – сверкнуть, *гәлт итү* – вспыхнуть, *гәжж килү* – жужжать. Например, *Аның исемен ишетүгә, Гөлиәһидәнәң йөзәндәге уйнап торган бәхет нуры шәм кебек гәлт итеп сүндә* [9, б. 265]. / *Едва Гульшагида услышала это имя, радость и оживление, игравшие на её лице, мигом потухли, словно свеча при порыве ветра* [1, с. 253].

Сложные глаголы, образованные от двухкомпонентных звуко- и образоподражательных слов, обозначают многократное или длинное издание звуков: *керт-керт итү* – хрумкать, *кетер-кетер итү* – хрустеть, *жәм-жәм итү* – мерцать, *ялтыр-йолтыр итү* – сверкать, блистать. Например: *Кояш яктысында ап-ак кар жәм-жәм итә, һава шундый татлы, сулап туймасың* [9, б. 267]. / *Снег вокруг искрится под солнцем; воздух такой чистый, лёгкий, что не надышишься* [1, с. 254].

Ограниченное число подражаний вошло в состав имени без посредства служебных слов и без присоединения морфологических элементов. Например, *һөд-һөд* – удод, *күккүк* – кукушка. *Кәккүк тавышы бигрәк матур тыңларга: кәк-күк, кү-кү* [9, б. 182]. / *Приятно слушать кукушку: ку-ку... ку-ку* [1, с. 173].

Таким образом, подражательные слова могут служить базой для образования новых слов – глаголов и имен в татарском и русском языках. Основное количество ономатопов с частичной утратой примарной мотивированности в русском языке образовано синтетическим (аффиксальным) способом. В татарском языке, напротив, преобладает основосложение.

В секундарно мотивированных ономатопах актуализируется оценочный компонент (ворковать, рычать о человеке), поэтому в таких ономатопах отсутствует звукоподражательная сема. Например, в татарском языке ономатоп *гөрлә* (от звукоподражательной единицы *гөр* – звук, который издает голубь) имеет следующие значения: 1. ворковать (о голубях), 2. журчать (о реке, родниках), 3. процветать [6, с. 36]. *Минем күз алдымда урамнарда революция дулкыннары гөрләде* [9, б. 412]. / *На моих глазах по огромной стране разливалась революционная волна* [1, с. 398].

В русском языке ономатоп ворковать означает: 1. (о голубях) издавать свойственные им звуки, 2. (о влюбленных) нежно разговаривать [3, с. 113]. *Молодожены, забыв о присутствующих, нежно ворковали* [Там же]. На примерах видно, что и в татарском, и в русском языках ономатоп *ворковать* использован в значении секундарно мотивированного ономатопа.

Как видно из примеров, оноματοпозитическая лексика широко употребляется в художественной литературе. Одной из причин продуктивного использования ономатопов является их экспрессивность. Однако при неграмотном переводе художественного текста подражательные слова теряют свою экспрессивную окраску. В практике перевода существует два основных способа перевода ономатопов: 1) способы перевода ономатопов, основанные на качественных признаках; 2) способы перевода ономатопов, основанные на количественных признаках [5, с. 182]. К первому способу относится звуковая выразительность ономатопов: *Кама*

дулкыннарының **гөрелтесе** гомергә колагыңнан китми [9, б. 167]. / *Знаете, это изумительная картина! Глаз не оторвешь. И потом – этот шум волн* [1, с. 153]...; *Эмма тәҗрибәле гидролог аның эчендә кайнаган «ачуны» сизә, аның колагы кайдадыр төптә бөтерелгән дулкыннарның ярсу гөрелтесе ишетә* [9, б. 98]. / *Но глаз и ухо мельника сразу увидят и услышат её глубинную, сдержанную ярость, тревожное вздрагивание и опасные донные шорохи* [1, с. 82].

В вышеуказанных примерах оноματοп **гөрелте** – «рокот» в первом предложении переведен как **шум**, который означает звуки, слившиеся в громкое и нестройное звучание. Эти два ономатопа имеют приблизительно одинаковую степень звукоизобразительности, таким образом, здесь прослеживается частичное несоответствие звукоподражательности оноματοпов. Во втором же предложении переводчик использовал существительное **шорох**, который используется для обозначения глухого звука от трения, легкого соприкосновения с чем-нибудь. Данный пример ярко иллюстрирует явное несоответствие оноματοпов языка оригинала звукоподражательным единицам языка перевода по психоакустическим параметрам.

К способам перевода оноματος, основанным на количественных признаках, относятся следующие.

1. Одинарный оноματοп переводится с одинарным оноματοпом: *Бу вакытта аның йөрәге сулжылдан тибә, сулышы ешайган, күзләре ялтырый иде инде* [9, б. 387]. / *Сердце его гулко стучало, дыхание было отрывистым, глаза блестели* [1, с. 375]. *Аннары, нидер исенә төшкәндәй, тиз генә телефон янына барып, хастаханәгә шалтыратты, авыруларның халларен сораптырды* [9, б. 74]. / *Вдруг, вспомнив что-то, быстро подошел к телефону, позвонил в больницу. Расспросил о состоянии больных, все ли в порядке* [1, с. 51]. В обоих примерах переводчик сохранил структуру оноματος, то есть перевел их одиночным оноματοпом.

2. Двухсоставный оноματοп переводится одинарным: *Бераздан аның пышык-пышык елавы ишетелә башлады* [9, б. 90]. / *Вскоре послышались её всхлипывания* [1, с. 85]. *Бер тапкыр уянып китсәм, палатада кемнәрдер чыш-пыш сөйләшәләр* [9, б. 193]. / *Однажды я проснулся от монотонного шепота* [1, с. 184].

3. Оноματοп заменен другой лексической единицей: – *Бая мин бик-бик курыктым... – дип пышылдады Гөлшәһидә* [9, б. 13]. / *Я очень, очень испугалась, когда ты бросился в реку, – тихо приговаривала Гүльшагида* [1, с. 9]; *Мансур, күккә төбәп, берничә ракета жибәрде. Ләкин котырынган буран эчендә ракеталар бер генә секундка күренәләр дә гөлт итеп сүнәләр иде* [9, б. 124]. / *Мансур пустил в небо несколько ракет. Но в разбушевавшейся метели ракеты вспыхивали всего на секунду и сразу гасли* [1, с. 115].

4. В процессе перевода количество оноματος сократилось: *Залдагы шау-шу, гөжләү әкрән-әкрән тына башлады* [9, б. 303]. / *Но вот шум стал постепенно стихать* [1, с. 294].

5. В процессе перевода количество оноματος увеличилось: *Бөтен яктан сызлану, саташу тавышлары ишетелә* [9, б. 190]. / *Со всех сторон слышатся стоны, хрипы, бред* [1, с. 183].

Анализ оноματος позволяет говорить о том, что татарские звуко- и образоподражания по сравнению с русскими звукоподражаниями отличаются большим разнообразием. Например, в татарском языке существует намного больше звукоподражаний, обозначающих хлопки, удары, стуки, здесь одному русскому звукоподражанию может соответствовать сразу несколько татарских. Татарские звукоподражания более конкретизированы, поэтому в некоторых ситуациях довольно тяжело найти эквивалент в русском языке. Обычно это слова с конкретным значением (хруст снега) или, наоборот, с широким значением (размеренный, отчетливый звук).

Если перевод осуществляется на родной язык, то поиск соответствующих форм для передачи подобных звукоподражаний не вызывает особых затруднений. Перевод на неродной язык может вызвать сложности, так как обычно эти формы не фиксируются словарями. Переводчику приходится действовать в соответствии с так называемой денотивной моделью перевода: искать в самых различных источниках (книгах, кинофильмах, обращениях к информантам – носителям переводящего языка) описания аналогичных типических ситуаций и нужные формы их обозначения [2, с. 95]. При переводе ономапоэтической лексики следует обратить внимание на сохранение количества оноματος, избегать перевода звукоподражательных оноματος посредством образоподражательных или других единиц. Перевод оноματος должен соответствовать звуко- и образоподражательным единицам оригинала по основным психоакустическим параметрам.

Список литературы

1. Абсалямов А. С. Белые цветы: роман / авториз. пер. с татар. К. Горбунова. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 479 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. Изд-е 2-е. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. Изд-е 4-е, дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
4. Сагдиева Р. К. Роль звукоподражательных слов в образовании конкретизирующего отношения в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 169-171.
5. Салахова Р. Р. Особенности перевода татарских междометий на примере повести А. Еники «Медный колокольчик» // Филология и культура. *Philology and culture*. Казань: Изд-во К(П)ФУ, 2014. № 4 (38). С. 179-184.
6. Силаева О. Л., Варакин А. Н., Ильичев В. Д. Имитационные взаимоотношения между человеком и животными: акустический анализ. М.: РУДН, 1999. 49 с.
7. Татарская грамматика. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. Т. III. Словообразование. 584 с.
8. Шляхова С. С. Типы и функции оноματος в русской речи: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1991. 24 с.
9. Әпсәләмов Г. Ак чәчәкләр: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 510 б.

**ONOMATOPOETICAL VOCABULARY IN THE TATAR LANGUAGE
AND THE WAYS OF ITS TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE
(BY THE MATERIAL OF THE NOVEL OF A. ABSALYAMOV "WHITE FLOWERS")**

Salakhova Ruzilya Rashitovna, Ph. D. in Philology
Kazan Federal University
ruzilya5@mail.ru

The article describes onomatopoeic vocabulary of the Tatar language and the ways of its translation into the Russian language. The significance of the study of the translation of the onomatops is conditioned by the necessity of an adequate transmission of the image information of the works of art into translating language. The results of this study give the opportunity to develop the theory of the descriptive motivation of a linguistic sign and its reflection in the vocabulary fund of the Tatar language.

Key words and phrases: onomatop; onomatopoeia; phonetically-imitating word; image-imitating word; descriptive vocabulary.

УДК 811.512.157'366.58

Филологические науки

В данной статье представлен перечень частных значений дистрибутивной множественности, выделяемых в якутском языке. На основе функционального подхода и метода полевого структурирования подробно рассмотрены диверсативный, циклокативный, дисперсивный, амбулативный и квазидистрибутивный подтипы дистрибутивности, выявлен их план выражения и особенности функционирования.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; функционально-семантическая категория; глагольная множественность; дистрибутивная семантика; полевая структура; семантический подтип.

Самсонова Екатерина Максимовна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук*
samsonova_em@mail.ru

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИСТРИБУТИВНОЙ
ГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Дистрибутивность представляет собой один из универсальных семантических типов глагольной множественности, находящийся на стыке двух категорий – аспектуальности и количественности. Внутреннюю сущность данной подкатегории, как отмечают исследователи, определяет «выражение расчлененности выполнения действий разными участниками ситуации или подчеркнутость полного охвата всех участников ситуации действием» [2, с. 240].

Исходя из определения, специфику понятия дистрибутивной множественности составляют две присущие ей семантические особенности. Первая из них заключается в том, что микроситуации, входящие в дистрибутивное множество, также совокупно составляют одну макроситуацию. Вторая особенность – в каждой из повторяющихся ситуаций в качестве одного из участников выступает отличный от предыдущего актанта или сирконстант, т.е. каждая элементарная ситуация повторяется с разным набором участников: «...одним и тем же актантом/сирконстантом каждой... ситуации является один из единичных представителей... совокупного актанта/сирконстанта» [13, с. 34].

Несмотря на то, что вопрос о семантической структуре дистрибутива до сих пор остается дискуссионным [2, с. 241], многие исследователи сходятся в выделении в нем нескольких эмпирически регулярных разновидностей, базирующихся как на дифференциации актантов, так и по пространственному параметру (В. Дресслер [14], А. В. Бондарко [9], В. С. Храковский [13] и др.): субъектный и объектный дистрибутивы, диверсатив, циклокатив, амбулатив, дисперсив и квазидистрибутив.

По мнению исследователей, дистрибутивная интерпретация возможна всегда, когда предикат имеет множественный аргумент [8, с. 125], т.е. обязательно подразумевается наличие в ситуации актантов, представленных группой лиц, предметов, пространств. При этом существенным для квантификационного значения является характер интерпретации актанта – «если группа трактуется как единое целое, то реализуется значение глагольной единичности, а если это сумма так или иначе индивидуализированных единиц или подчеркнута тотальность охвата группы, то выражается значение множества» [2, с. 243].

В тюркских языках высказывания с дистрибутивным значением характеризуются наличием подлежащего (субъектный дистрибутив) или прямого дополнения (объектный дистрибутив) в форме мн. числа и обстоятельств типа «друг за другом», «по очереди», «все». В качестве специализированного средства выражения дистрибутивного значения преимущественно используются аналитические конструкции со вспомогательными